

**Владимир
Гердт**

**Родины
тепло**

**СТИХИ,
РАССКАЗЫ**

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО

**Барнаул
Алтайское книжное издательство
1986**

Р 2
37

*Рецензент член СП СССР
В. С. Шевченко*

СТИХИ

Поэзия — такое пенье,
Которой чужд фальшивый звук.
В ладу ее сердцебиенье
С народной правдою, мой друг!

Суди себя, как Время — личность,
И, эту землю возлюбя,
Не уповай на мелодичность,
Не убаюкивай себя.

Г 4702430000—08 17—86
М 138(03—86)

Р 2

© Алтайское книжное издательство, 1986.

ТЕПЛО

Я теперь понимаю,
Что в жизни везло:
Руки мамы давали
Мне в детстве тепло,
Согревал меня щедро
Семейный очаг.

Но отчетливо я
Понимаю сейчас,
Что счастливою
Жизнь бы моя не была,
Если б Родина мне
Не давала тепла.

ЛЕНИН В РАЗЛИВЕ

Плотва просыпается рано.
Не сразу, но входит в раж.
В плену тишины и тумана
Грустит одинокий шалаш.

Сушняк деловито пылает
И лижет огнем котелок.
Ильич за огнем наблюдает,
По мыслями снова далек!

Они улетели, как птицы,
Туда, где бурлит Петроград,
Туда, где крестьянские лица
Крамольные думы таят...

Рабочего гнев накалился,
Крестьянская воля остра...

Котел закипает
Российский,
И Ленин давно у костра.

ПОРТРЕТ В ДЕТДОМЕ

Простой портрет
В обыкновенной раме.
Высокий лоб.
Прищур лучистых глаз.
И мы просили синими губами,
Чтоб хлеба дал он
Каждому из нас.

И мы тогда не ведали, не знали,
О чем он думал,
Мыслил и страдал.
(По всей России дети голодали,
И он со всеми вместе
Голодал!)

Простой портрет
В обыкновенной раме.
И мы тогда не думали о том,
Откуда ши дымящие утрами
К нам попадали все же
В детский дом.

Был черный хлеб
Вкуснее шоколада,
А рафинад сверкал, как облака,
Когда порой, как праздник,
Как награда,
В чай добавлялась
Ложка молока!

Ему продукты слало население,
А он все детям отсылал скорей...
И улыбался нам с портрета
Л е н и н,
Сам обходясь в те дни без сухарей!..

В КАРТИННОЙ ГАЛЕРЕЕ

Мальчик смотрит
Изумленно, долго:
Даль реки,
Прибрежные пески.
Баржу с грузом
По широкой Волге
Репинские тянут
Бурлаки.
Напряжены лица
Горевые,
Ноша —
Не придумать тяжелей..
Неужели это все
В России —
Родине надзвездных
Кораблей?
Лапти гнуты,
А уста — сомкнуты.
Люди тянут баржу
Бечевой,
А за окнами,
Взмывая круго,
«Ил»
Уходит в рейс очередной.

ХЛЕБ

Лежит — поруганный — в пыли
Укором

людям,
небу,
лету.

Ведь он
Из тайных недр земли
Еще недавно рвался к свету.
Сначала робким колоском,
Отбрасывая тень на межи...
Но вырос,

вызрел,
стал весом

И, хлебобобам души нежа,
В домах достаток обещал.
Принес его.

И вот в итоге —

Он уваженьем обнищал,
Валяется посреде дороги...

Всплывает в памяти

Мой хлеб,

Мой черный хлеб,

Сырой и плотный...

Я от него мужал и креп,

Полубольной, полуголодный.

Две пайки в маминой руке,

Две пайки черного, святого...

Ильич с портрета на стене

Смотрел, подыскивая слово,

Чтоб нас утешить, поддержать,

Открыть грядущего просторы...

Не просто вырастить, убрать

И сохранить златые горы.

ПРИЗНАНИЕ

Я не кричал
О верности Отчизне.
Не в этом заключается
Любовь.

О ней расскажет вам
Мой образ жизни,
Стихов моих
Живая плоть и кровь.

В родную землю
Дождиком и солнцем
Готова перетечь
Душа моя...

Ценней, чем жизнь,
Нам клада не дается,
Но и его отдам,
Не дрогнув, я.

У КРЕМЛЯ

У времени свои заботы.
Стремителен его поток.
Глядинь, и грозные высоты
Вдруг превращаются в песок.

Известные вулканы гаснут,
Как уличные фонари...
И только правда,
Только правда
Высоким пламенем горит.

Не убывает, не мелеет,
Цепистребица, как земля...
И очереди к Мавзолею
В любое время у Кремля.

Плечом к плечу в них
Белый, черный
От всех наречий и племен,
Сыновней преданностью полны,
Идут ВОЖДЮ отдать поклон.

ПОСЛЕДНЯЯ ИЗБУШКА

Стоит в селе избушка-саманушка,
Как Золушка, одетая в рваньё.
Над ней трещит сорока-завирушка,
Угрюмое кружится воронье.

А рядом встала новая деревня,
И, упоен весеннею водой,
Как с молодым напитком кубок древний,
Шумит-играет тополь молодой.

На легковых лихачат новоселы,
Чихают громко тракторы с утра.
В ограде школы солнечно-веселой
Счастливая ликует дствора.

И с любопытством смотрят друг на друга
Дворец культуры и избушка та.
Так пусть же видит, не стыдись, округа:
Какая нами высота взята!

НЕ ЗАВИДУЮ ГОРОЖАНАМ

Не завидую горожанам
В тесноте бетонных квартир.
В сельском домике деревянном
Нахожу я

покой и мир.

Горожанина спозаранку
Не разбудит горластый петух,
И домашней хлебной буханки
Не вдохнуть ему

сладкий дух.

Получает он все с прилавка —
Хлеб

и мясо,

и молоко...

...Позади городская давка.
Ах, как дышится мне легко!
Вот село мое.
Заскрипели
Коростели

возле пруда.

Точат косы свои коростели,
Значит — время:

пришла страда.

Улыбаюсь,

влюбленно глядя,

На просвеченные луга.

По макушкам

солнышко гладит

Непричесанные стога.

Скоро вечер.
Придут с работы
Утомленные косари.
Заблестит село

позолотой

От лучей

вечерней зари.

И парным молоком

подойник

Будет пениться

и кипеть,

Зазвучат голоса гармоник,

Будут девушки песни петь.

А под песню

я сердцем молод

И над новой

строкой

тружусь...

Пусть кому-то

нравится город.

Я сельчанин.

И тем горжусь.

ПОДСОСНОВО

Все родное в сердце носим,
Не от этого ль тепло?..
Под защитой стройных сосен
Ты стоишь, мое село.
Чистота широких улиц,
Золотые закрома,
Теремами обернулись
Пятистенные дома.
Зелены твои аллеи,
Духовиты цветники,
Только вспомню — просветлею,
А взгляну из-под руки —
Прерывается дыханье,
Увлажняются глаза.
И — подружка расставанья —
Упадет на грудь слеза
Не от старческой печали...
Счастлив я, что на земле
Люди сами рай создали
В нашем сказочном селе,
Что не просто это было,
Не одна сдалась беда,
Что село мое родила
Сила дружного труда.

ЛЕРМОНТОВ

С могилы поэта две горстки земли
Однажды друзья из Тархан привезли.
Я свято храню эти серые горстки,
Но мне вспоминается парк в Пятигорске.
На мраморном цоколе, словно живой,
Поэт с непокрытой стоит головой.
Пестреют цветы, алыча расцвела,
Он смотрит на солнце глазами орла.
Дымится двугорбый Эльбрус снежно-белый,
Не Казбич ли скачет с красавицей Бэлой?
А там не Печорин ли мчится с княжной?
Но люди другие, и век стал иной.
Его не измерить старинною мерой,
По скверу в панамках бегут пионеры,
Проходит шахтер, и шофер, и пилот,
И девушка с книгой по скверу идет.
На твердой обложке небесного цвета
Тисненное золотом имя поэта.
А он с непокрытой стоит головой
На мраморном цоколе, словно живой.
Великий художник, немирный поручик,
Нет, он не покинул кавказские кручи.

В МАНСИЙСКОМ КРАЕ

Ювану Шесталову

Ельник был в снегу по пояс.
Сосьва стыла подо льдом.
Мы, со стужей освоясь,
Мчались езженным путем.
Стыло Севера сиянье
У оленей на рогах.
Было ясное сознание,
Вился сзади снежный прах.
Мы летели все быстрее,
И зажглось во тьме ночной
Ожерелье ламп на шее
Рослой вышки нефтяной.
...Во Дворце культуры тесно,
Край мансийский чуть не весь.
С уваженьем, с интересом
Изучают все, что есть.
Люди северной закваски,
Волос, зная, от соболей,
Есть и белый, как у ласки, —
То дары земли своей...
Все на сцене стало близким,
Все сердца к себе зовет...
Первый наш
Поэт мансийский
«Песнь о лебеде» поет.

У КОСТРА

Костра тугое пламя
Играло перед нами.
Про стены шел Ювану я,
Про даль, где родина моя,
Где ласточкам в пшенице
В такую рань не спится...
Подумал мальчик-манси
И тихо отозвался:
— Мне по душе твой знойный юг,
Но я о Севере пою...
Под лунным светом спит простор,
Как волны моря — волны гор,
По снегу соболиный след,
Как цепь серебряных монет.
Сиянье Севера меж звезд
Пылает, как павлиний хвост,
И снегом след от нартов пылит —
Юван за сободем летит!
Как веки глухаринных глаз,
Мигнув, согреет лето нас.
Грибы и ягоды в тайге
Летят к руке, бегут к ноге...
Ну чем сравнится степь твоя?
Не знаю я, не знаю я...

КОСУЛЯ

Бродячими собаками гонима,
Она по насту режущему мчит.
Из ран ее брусничинами, зримо
Стекает кровь в проломы от копыт.

Глаза у ней от страха побелели,
Озноб и дрожь подняли дыбом шерсть.
Ей кажется, что силы на пределе,
Еще минута, и настигнет смерть.

На этот раз
Жизнь оборвет не пуля —
Бездомные собаки оборвут.
А впереди костер.
И вдруг косуля,
Отчаявшись, бросается к костру.

Боками увлажненными поводит, —
О, воля, до чего ж ты дорога —
И к человеку медленно подходит,
И молча опускается к ногам.

Он говорит ей нежно: «Паче рума»*
И бережно кладет на лоб ладонь.
Затем ружье снимает и угрюмо
Прицельный по зверью ведет огонь.

ВОСПОМИНАНИЕ О ЦЕЛИНЕ

Забуть ли мне то утро по весне?
Бездомные перед простором диким
Стояли мы на древней целине,
Еще не ставшей подвигом великим.

Я говорил:
— Зачем мы здесь с тобой? —
Ты удивленно поводишь бровью.
Послать бы к черту этот «рай» земной
И вновь вернуться в наше Приднестровье...

Ты улыбнулась. И в улыбке вдруг
Увидел я, как будто в доброй сказке:
Речушку, ладный дом и росный луг
И под окошком малыша в коляске.

И я остался здесь, в степи скупой,
Где на сто верст, считай, один околок...
А нынче, посмотри, какой поселок
Раскинулся... И сад вокруг какой!..

Спасибо, что в то утро ты была
Со мною рядом,
Что смогла, сумела
Не растерять душевного тепла
И верой в наше лучшее согрела.

* Паче рума — по-мансийски «здравствуй».
(Прим. автора).